

Ирина Александровна Седакова

доктор филологических наук, заведующая отделом типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения РАН (119334, Москва, Ленинский пр., 32а)
E-mail: i.sedakova@inslav.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9252-5407>

О СПЕЦИФИКЕ ПОПОЛНЕНИЯ БОЛГАРСКОГО АНТРОПОНИМИКОНА: ЗАИМСТВОВАНИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ИМЯТВОРЧЕСТВО

Аннотация

Болгарский именовослов, будучи многосоставной и открытой системой, постоянно подвергается изменениям в силу воздействия внешних и внутренних факторов. Статья основана на обширном антропонимическом материале, извлеченном из архивных и опубликованных источников, а также на собранных автором в течение последних десятилетий в Болгарии данных, что позволило выделить и описать ряд специфических стратегий пополнения антропонимикона. Значительную часть именовослова составляют отапеллятивные *nomina propria* («астрономические», «ландшафтные», «метеорологические», «зоонимические»). Особое внимание уделяется процессам разложения полного имени на несколько, каждое из которых порождает новые антропонимы и многочисленные ряды гипокористик (*Костадин* — *Коста*, *Динко* и др.). Показываются диалектные семантические и морфологические различия антропонимов. Характеризуются фонетические процессы при трансформации имен собственных: оглушение и озвончение, эпентеза и протеза, апокопа и синкопа, элизия. Приводятся основные суффиксы для образования и модификации антропонимов, отмечено, как их продуктивность и статус меняются во времени. Прослеживаются процессы заимствования, перевода и адаптации иностранных имен собственных. Констатируется, что женские антропонимы по численности и разнообразию значительно превышают мужские. Подробно исследуется неантропонимизация, обусловленная, с одной стороны, творческим отношением болгар к именам собственным, с другой — регламентированными практиками в имяназвании и установками на трансмиссию родового имени. Выделяется роль нарративов, уточняющих и корректирующих генезис и морфологию имени собственных. Автор приходит к выводу, что, несмотря на усиление глобализации в болгарской антропонимической системе, архаические процессы в именовании адаптируются к инновациям, они сохраняются и останутся актуальными в будущем.

Ключевые слова: антропонимия; именовослов; неантропонимы; болгарский язык; морфология; семиотика; этнолингвистика

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семантические модели в кросс-культурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Для цитирования

Седакова И. А. О специфике пополнения болгарского антропонимикона: заимствования, словообразование и имятворчество // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 117–138. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.034

Рукопись поступила в редакцию 30.10.2023

Рукопись принята к печати 10.12.2023

Irina Aleksandrovna SEĐAKOVA

DrHab, Head of the Department of Typology and Comparative Linguistic Studies, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia)

E-mail: i.sedakova@inslav.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9252-5407>

**ON THE ENRICHMENT
OF THE BULGARIAN ANTHROPONYMICON:
BORROWINGS, WORD-FORMATION,
AND NAME CREATIVITY****Abstract**

The Bulgarian anthroponymicon, as a multifaceted and dynamic system, is continually reshaped by both external and internal influences. This article draws on an extensive body of anthroponymic material sourced from archival and published records, as well as data collected by the author over recent decades in Bulgaria. The analysis identifies and describes several distinct strategies for the enrichment of the Bulgarian anthroponymicon. A substantial portion of the anthroponymic repertoire originates from appellatives, encompassing “astronomical,” “landscape,” “meteorological,” and “zoonymic” names. Particular focus is made on the decomposition of full names into multiple forms, each spawning new anthroponyms and diverse series of hypocoristics (e.g., *Kostadin* → *Kosta*, *Dinko*, etc.). The study also explores dialectal semantic and morphological variations in personal names. Phonetic processes influencing the transformation of proper names, such as devoicing, sonorization, epenthesis, prosthesis, apocope, syncope, and elision, are examined in detail. The primary suffixes used in the formation and modification of anthroponyms are identified, and their evolving productivity and significance over time are discussed. Processes of borrowing, translation, and adaptation of foreign proper names are traced, with an emphasis on their integration into the Bulgarian naming system. Notably, female anthroponyms are shown to significantly outnumber male ones in both variety and frequency. Neo-anthroponymization is analyzed in depth, highlighting its dual foundation: the creative approach of Bulgarians to naming and the regulated practices tied to ancestral name transmission. The study emphasizes the role of narratives in clarifying and refining the origins and morphology of proper names. The author concludes that while globalization exerts

an increasing influence on the Bulgarian anthroponymic system, archaic naming processes continue to adapt to modern innovations, ensuring their persistence and relevance in the future.

Keywords: anthroponymy; anthroponymicon; neo-anthroponyms; Bulgarian language, morphology; semiotics; ethnolinguistics

Acknowledgments

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00365 *Semiotic Models in the Cross-Cultural Space: Balcano-Balto-Slavica*, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00365/>

For citation

Sedakova, I. A. (2024). On the Enrichment of the Bulgarian Anthroponymicon: Borrowings, Word-Formation, and Name Creativity. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 117–138. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.034

Received on 30 October 2023

Accepted on 10 December 2023

Введение в проблематику

Болгарский антропонимикон — живая, постоянно пополняющаяся новыми именами система. В течение веков список имен модифицируется, подвергаясь изменениям извне — под воздействием «не своих», чужих, заимствованных балканских и небалканских имен, а также изнутри — вследствие языковых, идеологических и социокультурных процессов в стране. Меняется популярность имен, а вместе с этим продуктивность, воспроизводимость основ и суффиксов, частотность словообразовательных моделей.

Активное расширение именованности идет за счет творческого отношения болгар к антропонимам и ряда практик в выборе имени для новорожденного и в имянаречении; базируется же оно на особом статусе имени собственного в традиционной культуре болгар [подробнее см.: Седакова 2022]. Отношение к выбору имени для новорожденного в болгарском обществе амбивалентно: с одной стороны, оно свободное, с другой — регламентированное. Сочетание, казалось бы, несочетаемого объясняет и обуславливает факт открытости антропонимической системы и установку на поиск «подходящего» имени для ребенка, что нередко приводит к созданию неоантропонимов.

В Болгарии любое имя, включая гипокористики, может быть паспортным, официальным, а в церкви нет правила крестить детей только именами из святцев. Многие имена в болгарском антропонимиконе являются уникальными, об этом пишут ономасты, опираясь на статистику: так, П. Радева анализирует имена знаменитых людей, приведенные в справочнике «Кто есть кто в Болгарии», и отмечает, что из 837 имен 518 встречаются лишь один раз [Радева 2001: 239], а из 624 имен, зафиксированных в г. Попово, лишь 108 повторяются более одного раза [Радева 2006: 61].

Важную роль в пополнении именованности и в модификации антропонимов играют номинативные практики болгар, согласно которым ребенка именуют в честь деда или бабушки («При крещении первенца мальчика дается ему имя, которое носил его дедушка, отец отца, первой же девочке — имя бабушки, и так из рода в род» [Каравелов 1861: 286]), крестных, сохраняя из их имени хотя бы одну букву (*буквуване*), один слог (*сричкуване*) или соединяя несколько частей имен и таким образом отдавая дань уважения нескольким людям [Кръстева-Благоева 1999: 61–69; Седакова 2007: 98–122; 2022: 89–90]. При этом нередко создаются имена неповторимые, уникальные, которые, однако, сохраняют связь с семьей и родом. В этой традиции отражаются характерные черты всего болгарского антропонимикона как семиотической системы: свобода и традиция, сочетание уникального имени и родового, индивидуальная и коллективная идентификация [Топоров 2005: 376], тождество и разнообразие, следование моде или канону; локальное и внетерриториальное.

Маркированность антропонимов как «необычных» в Болгарии — явление редкое, что становится объектом внимания интернет-публикаций [см.: Garantiran smyah]. Коллекция курьезных¹ или «китчевых» имен периодически публикуется в изданиях Музея юмора и сатиры в Габрово. Однако в целом необычное имя собственное в Болгарии не столь маркировано, как это было в СССР и (в меньшей степени) сейчас в России, и разнообразие имен воспринимается скорее как норма, на фоне которой небольшой выбор антропонимов и их повторение в СССР и в России — одно из сильных впечатлений при коммуникации болгар с русскими.

Болгарские ономасты в ситуации колоссального разнообразия гипокористик и других метаморфоз одного антропонима расходятся в атрибуции имени, что отражается в исследованиях и фиксируется в словарях. Значительные расхождения наблюдаются в интерпретации заимствованных имен: некоторые лингвисты считают такие имена, как *Георги*, *Стефан*, *Константин*, *Христо* и др., «своими», «домашними»² (в болгарской терминологии) [Парзулова

¹ О курьезных именах пишет Н. Ковачев [1987: 4]. Отчасти они возникли с индустриализацией Болгарии в XX в. (ср. *Тоалетка*, *Тетрадка*, *Трактор* и др.). Б. Крыстев в своей статье, основанной на изучении имен школьников г. Шумен в 1953–1968 гг., приводит новые имена *Сироп*, *Гайка*, *Электрон*, именуя их «неприличными», а такие имена, как *Самолетка*, *Златосребрен*, *Милоздравка*, — китчевыми, свидетельствующими о низкой культуре [Кръстев 1994: 143, 146]. В годы социализма в Болгарии действовала ограничительная практика, публиковались рекомендательные справочники [Илчев 1963; Умленски 1971]. В 1990 г. был принят закон, дающий большую свободу родителям при выборе имени для ребенка, что способствовало активизации образования и заимствования новых личных имен [Ангелова-Атанасова 2005: 35].

² О восприятии укоренившихся на болгарской почве заимствованных имен (даже мусульманских) как болгарских пишет К. Цанков [2001: 219].

2021: 58], называют их «традиционными, календарными» [Петрова 1990: 113]. К расхождению в словарной интерпретации добавляется индивидуальная версия происхождения имени, рассказываемая его носителем и поддерживаемая семейным нарративом [подробнее см.: Седакова 2022] и народная этимология [Шумадова 1981]. Нередко происхождение имени, вопреки научной этимологии, в индивидуальной интерпретации соотносится совсем с иными этимонами, «распадаясь» на отдельные морфемы и даже буквы в соответствии с желанием членов семьи «подновить» имя старших родственников. Индивидуальную историю имени, если она известна, учитывают в ряде случаев составители словарей [Илчев 1969; 221, 69; и др.], о необходимости записывать такие нарративы и мотивировки родителей при выборе имени пишут исследователи-ономасты [Цанков 2001: 220].

К примеру, идеологические, казалось бы, имена, избранные родителями (приверженцами советского или всемирного социалистического движения), иногда оказываются именами «домашними», с иными аллюзиями. Так, наряду с документированным выбором имен *Сталина*, *Сталинчо* [Ковачев 1987: 169] имя *Сталинка* (1961 г. р.) составлено из имен двух бабушек — *Станка* и *Калинка* [Илчев 1969: 462].

Таким образом, изучая пополнение именованности, следует обращаться не только к языковым процессам, но и к ряду экстралингвистических факторов, образующих «ауру» имени собственного (в терминологии Т. М. Николаевой [2007: 12]).

Материалом для данной статьи послужили научные публикации по ономастике, диалектологии, фольклору и этнографии, словари антропонимов и интернет-блоги, архивные данные Центра болгарской ономастики Велико-тырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия. Немало публикаций посвящено статистике и популярности отдельных населенных пунктов и сообществ [Кръстев 2001; Парзулова 2021; 2022; Радева 2001; Гечев 2003]. Полезным подспорьем послужили списки личных имен с указанием историй имянаречения и родословным древом семей, которыми сопровождаются этнографические описания местностей и сел [Калоянов 1995; Цанев, Цанева 1999]. Имена фиксируются на специальном сайте, эта информация позволяет отследить появление неоантропонимов [Stratsimir]. В работе использовались также многолетние (около полувека) личные наблюдения за именами собственными и их представлением в устной и письменной речи, полевые записи последних 30 лет и результаты периодически проводящегося с 2010 г. анкетирования.

Комплексного монографического исследования, посвященного способам пополнения болгарского именованности и истории его развития, нет. Некоторым исключением служит книга Х. Симеонидиса о греческом влиянии

на формирование системы болгарских личных имен, с описанием и анализом ряда фонетических и морфологических процессов [Симеонидис 2006]. Образование имен собственных с разной степенью подробности характеризуется во вступительных статьях к словарям антропонимов [Вайганд 1926; Илчев 1969: 9–28; Ковачев 1987: 15–22; Радева 2019: 32–48; и др.]. Некоторые морфологические аспекты развития именовслова рассматриваются в работах по социолингвистической ономастике в свете экстралингвистических факторов, в частности с учетом модных тенденций в имяназвании [Чолева-Димитрова и др. 2021]. В публикациях по диалектологии уделяется внимание местным модификациям антропонимов с точки зрения их формы, суффиксов и фонетических вариантов [Младенов 2008: 466–468]. Статьи о географии, морфологических особенностях и происхождении имен собственных регулярно публикуются в серии «Состояние и проблемы болгарской ономастики» Центра болгарской ономастики (Великотырновский университет им. св. Кирилла и Мефодия) [СПБО]. В архиве этого Центра [ВТУ ЦБО] собраны курсовые и дипломные работы по антропонимии, в которых характеризуются системы личных имен в различных городах и селах, анализируются некоторые специфические черты местных антропонимикон, описываются принципы выбора имени для новорожденных.

В данной статье сочетаются методы этнолингвистического, социолингвистического и структурного анализа имени собственного и антропонимической системы болгар, а также собственно лингвистического изучения антропонима (его этимологии, морфологии, фонетики, семантики). Внимание направлено на ряд специфических стратегий и проявлений развития именовслова: особенности бытования и иррадиации заимствований, фонетическое и морфологическое варьирование, симметрию имен мужских и женских, виды «подновления» родовых имен и конструирование неоантропонимов.

Трансформации и вариативность болгарского имени собственного

Одной из самых ярких черт болгарского именовслова является вариативность имени и в целом разнообразие форм антропонимов. Эти изменения можно проследить в длинной и короткой диахронии (в последние два десятилетия).

Значительное влияние на формирование системы личных имен оказали церковные и религиозные контакты с Грецией, а также балканское соседство с другими странами (в силу ограниченного объема статьи оставляем в стороне другие источники пополнения антропонимикона). X. Симеонидис

отмечает, что при анализе болгарских имен исследователи часто игнорируют греческий фактор [Симеонидис 2006: 51]. В своей монографии он приводит имена, подвергшиеся на болгарской почве фонетическим модификациям (выпадение согласных, усечение слогов), а также примеры калькирования и трансонимизации под влиянием греческого языка и, что особенно важно, его северного диалекта. Так, нередко происходит озвончение *т* (*Пантелей* — *Пандо*, *Константин* — *Костадин* и др.) [Вайганд 1926; Филипова-Байрова 1969: 18–25], *з* переходит в *й* (*Йорго* < *Георги*) [Ковачев 1987: 106; Иванова, Раева 2005: 171] и др.

Г. Вайганд на примере заимствованных из греческого антропонимов описывает характерное для болгарской антропонимии явление, способствующее расширению именослова, и приводит имя *Костадин*, которое разделилось на две части — *Коста* и *Дино*, обе очень продуктивные и частотные [Вайганд 1926: 28]. Таким образом Г. Вайганд объясняет наличие множества вариантов одного имени (от 70 и более вариантов у *Константина*), далеко уходящих от оригинала. В словарной статье «*Костадин*» он сначала приводит следующие имена: мужские *Коста*, *Таке*, *Кота*, *Кода*, *Койо*, *Коцо*, *Кочо* и др., женские *Костадина*, *Костена* и др. — и далее дает производные от второй части антропонима: *Дино*, *Дико*, *Дицо*, *Дичо*, *Дито*, *Дидьо*, *Дила*, *Дина*, *Диница*; здесь же имя *Костадин* переводится как «Постоянный», указывается его болгарское соответствие — *Стоян* [Там же: 39]³.

Многие исследователи отмечают, что в болгарских антропонимах трудно «угадать» их происхождение, ср.: «Кто может себе представить в именах *Гога*, *Гака*, *Гюра* — *Георгия*, в *Гига* — *Григория*, в *Енче* — *Йоана*?» [Симеонидис 2006: 15]⁴. Для большинства частотных имен характерна высокая степень воспроизводимости, особенно при создании гипокористик или при именовании новорожденных в честь старших родственников. Так, имя *Иван* «подновляется» в семьях через формы *Ваня*, *Ива*, *Ивайло*, *Ивана*, *Иванка*, *Иво*, *Ивона*, *Йоан*, *Йоана*, *Йоанна* и мн. др. [Раева 2001: 239].

Об изменении и славянских, и заимствованных имен писал еще в середине XIX в. Любен Каравелов: «Болгары сохранили имена предков, хотя и в испорченном виде» [Каравелов 1861: 285]. Как отмечает этот писатель и этнограф, «испорченность» увеличивается из поколения в поколение, дело доходит до того, что первоначальное имя теряет не только форму, но и смысл [Там же].

³Добавим, что производящими могут стать и другие части имени. Так, греческий по происхождению уменьшительно-ласкательный суффикс *-аки* дал в Болгарии начало целому ряду «своих» имен: *Таки*, а затем *Тако*, которые выводятся из *Христаки*, *Ангелаки*, и пр. [Займов 1994: 213].

⁴Подобные изменения происходят и с мусульманскими именами: *Ахмед* > *Метко*, (*Х*)*асан* > *Санчо*, *Асьо* [Цанков 2001: 219; Илчев 1969: 55].

Ст. Илчев пишет, что болгарские имена собственные меняют свой фонетический и морфологический облик заметнее и чаще, чем апеллятивы, порождая десятки новых имен [Илчев 1969: 22]. При этом ономасты, привлекая статистику, замечают, что большие словообразовательное разнообразие и креативность наблюдаются в сфере женских имен [Радева 2006: 68; Георгиев 1981]. Так, для г. Петрич В. Георгиев приводит следующие цифры: за исследуемый период (1901–1970) зафиксировано всего 1 199 имен, из них 506 мужских и 693 женских [Георгиев 1981].

Среди причин изменений одного имени и создания множества кратких гипокористик лингвисты указывают: особенности детского языка и невозможность выговорить некоторые звуки или звукосочетания; желание сделать более удобными для произношения имена заимствованные; уподобление другим антропонимам в системе личных имен и др. [Илчев 1969: 15, 26]. Возможно, в некоторых случаях имена разнообразят для того, чтобы в одной семье не было совершенно одинаковых имен. И конечно, важную роль играют экстралингвистические факторы (идеология и религиозность, мода, страна рождения ребенка).

Диалектные и региональные варианты имени

Еще одной причиной разнообразия и многосоставности болгарского именослова является ареальное варьирование антропонимов. Фонетические и морфологические трансформации имен в диалектном пространстве болгарского языка неисчислимы. В конце прошлого века болгарские ономасты готовили атлас имен собственных, однако после публикации основных принципов его создания, насколько нам известно, новых доступных работ не последовало [Русинов 1990]. Н. Ковачев [1987: 27–29] описывает самые частотные изменения, которые играют важную роль в увеличении количества болгарских имен:

- отпадение начальных согласных: *Снас* — *Пасе*, *Владо* — *Лад*о;
- переход *д* в *й*: *Владко* — *Влайко*;
- эпентеза *д*: *Лина* — *Линда*, *Шона* — *Шонда*;
- озвончение: *Динка* — *Динга*;

и многие другие изолированные фонетические (или комбинированные с морфологическими) трансформации.

Типичные для болгарской диалектной территории переходы *ст > ц* дают целый ряд мужских и женских имен, ср. *Станко* > *Цанко*, *Цано*, *Цайко*, *Цана*, *Цайка* и др. [Илчев 1965: 525]; *ц*, в свою очередь, переходит в *ш* (*Шона*) и *ч* (*Чона*) и др. [Там же: 531, 545].

Некоторые расхождения в фонетике и правописании обусловлены диалектными различиями (рефлексами гласных, редукцией, отсутствием начальной йотации и пр.), ср. *Вера / Вяра, Делко / Дялко, Мирена / Миряна, Светослав / Святослав, Йордан / Юрдан, Асен / Ясен* и др. Равноправными считаются параллельные формы с йотацией и без (*Ясен* и *Асен*), с чередованием *е* и *я* (*Мирена* и *Миряна, Яньо* и *Еньо*). Разнообразие орфографических вариантов одного имени отмечается во многих исследованиях: *Делян / Дилян, Илиана / Илияна, Стелиан / Стелиян / Стелян / Стилиян / Стилян* и др. [Гечев 2023].

Диалектная фонетика, морфология и семантика в целом играют важную роль в формировании болгарского именослова. Так, редукция *o > y* фиксируется не только в безударных слогах, что типично для восточно-болгарских диалектов, как в случае с именем *Йордан*, но и в ударных (в именах греческих по происхождению, заимствованных из северно-греческих диалектов: *Зонка — Зунка, Тодор — Тудор* [Балкански 2016: 602]).

В зависимости от региона варьируют аффиксы. В некоторых западных областях имена заканчиваются на *-o* (*Киро, Цано*), в других — на *-a/-я* (*Кира, Цана*), в юго-западных — на *-e* (*Кире, Цане*), на северо-востоке страны — со смягчением *-ьо* (*Цаньо*), на юго-востоке — *-и* (*Цани*) [Иванова, Радева 2005: 43–46]. А. Арнаутов описывает принципы сокращения личных имен на материале антропонимов г. Пазарджик (1994), отмечая в том числе региональные особенности образования гипокористик. Некоторые имена носят региональный характер и маркируют принадлежность носителей к определенным населенным пунктам [подробнее см.: Седакова 2023].

Однако не всегда «неканоническая» буква в написании антропонима маркирует диалектное различие, в ряде случаев она сигнализирует о включении в него части имени старшего родственника (допустим, *Меглену* назвали в честь бабушек *Марии* и *Елены*, а *Миглену* — в честь бабушки *Марии* и деда *Илии*). Причины незначительного изменения имени могут быть и иными. Так, мать девочки по имени *Елионора* сообщила, что она заменила букву *е* в классическом имени дочери по совету нумеролога [ЛА].

Эти различия считаются релевантными, и формы имен воспринимаются как самостоятельные, становясь производящей основой для множества гипокористик. Неслучайно отличие даже одной буквы в имени служит для М. Младенова основанием для включения его в список «отдельных» имен, ср. пару *Антон — Андон* [Младенов 2008: 467], хотя в большинстве своем ономасты возводят очевидные варианты имен к их протоантропонимам, считая *Анка* и *Ана* одним именем.

Способы и пути пополнения именовслова

Онимизация

В болгарском именовслове, в отличие от русского, много имен «прозрачных», образованных путем онимизации от апеллятивов, что отчасти связано с архаическим восприятием имяназвания как акта магического, способного смоделировать определенные качества у ребенка («пожелательные» имена) и/или защитить его от злых сил или недоброй судьбы («устрашающие», «отгонные» имена). До сих пор встречаются случаи выбора имени в соответствии с ситуацией — временем, местом рождения, обстоятельствами появления ребенка на свет, и при этом нередко даются новые имена, пополняющие болгарский антропонимикон. С магическими практиками родильной обрядности связаны «прозрачные» имена наподобие *Първан* «Первый», *Крайна* «Крайняя, последняя», *Запрян* «Запертый, крепкий», *Доста* «Хватит», *Стига* «Хватит» («достаточно детей», чтобы больше не было). Целый ряд апеллятивов в функции имен обусловлен ритуалом оставления ребенка на дороге (*хвърляне дете*) в случае частой смерти новорожденных в одной семье (*Найден*, *Обретен*, *Камък* «Камень» [Кръстева-Благоева 1999: 90]).

Антропонимами становятся имена существительные, прилагательные, наречия, глаголы и причастия, и этот способ пополнения списка имен остается востребованным и продуктивным. Особенно много у болгар имен «растительных»⁵: *Калина*, *Незабравка* «Незабудка»⁶, *Ясен*, *Невена* «Календула», том числе турецких по происхождению: *Карамфила* «Гвоздика», *Трендафила* «Роза»⁷. Встречаются имена «астрономические», «ландшафтные», «метеорологические», «зоонимические» и др. (*Звезда*, *Звездин*, *Стела*, *Океан*, *Езерин*, *Вихър* / *Вихра*, *Вълчан*, *Орлин*); немало имен, обозначающих драгоценные сплавы, камни и украшения (*Злата*, *Смарагда*, *Сърма* «Мишура, серебряные или золотые нити») [подробнее см.: Petkova, Ivanova 2017]. «Пожелательными» именами служат прилагательные, обозначающие внешние и внутренние свойства человека: *Храбри*, *Свежа*, *Велик(а)*, *Румен(а)*, *Весела*,

⁵По статистике, почти треть болгар считает Вербное воскресенье (болг. *Цветница*), когда отмечаются именины людей с «растительными» именами, своим праздником.

⁶Переводятся только такие имена, которые непонятны русскоговорящему читателю.

⁷Некоторые имена требуют уточнения: *Стамболче* как антропоним может быть трансонимом от одного из болгарских ойконимов для Стамбула или же «цветочным» именем — ассоциацией с народным названием георгина (*Dahlia variabilis*) [Ковачев 1987: 164]; *Росен* может возводиться к названию душицы (*Dictamnus*) [Илчев 1969: 429] или к прилагательному с семантикой 'свежий, покрытый росой' [Ковачев 1987: 157]. Соотнесение отапеллятивного «нецветочного» имени, омонимом которого служит ботанический термин, типично для болгар, особенно в последние годы, когда наблюдается бум именин, а Вербное воскресенье стало популярным светским праздником [Седакова 2024: 79].

Свилен «ежный как шелк» (ср. болг. *свила*), *Бистра*⁸ / *Бистро*. Используются в качестве антропонимов и абстрактные существительные: *Радост*, *Любов*, в том числе и турцизмы: так, *Севда* (< тур.) «Любовь» «оболгаривается» и обрастает славянскими суффиксами: *Севдъо*, *Севдалин*, *Севдина* и др.

В качестве имен собственных выступают диалектные лексемы, включая существительные с предметным значением. Так, женское имя *Руба* объясняется в словаре Ст. Илчева следующим образом: «от диал. *руба* ‘наряд невесты’, ‘дары невесте перед свадьбой’ — “пожелательное” имя, чтоб девушка вышла замуж за богатого. Оно дает и мужские имена: *Рубъо*, *Рубей*» [Илчев 1969: 430]. По регионам Болгарии эта лексема имеет широкий спектр значений: ‘одежда не на каждый день; нижний слой одежды; наряд невесты; дар из одежды невесте’ [БЕР 6: 331]. Ономасты сравнивают имя *Руба* с его междиалектным синонимом *Мена*, в интерпретации которого, однако, возникает наложение нескольких опций: кроме возведения к *мена* ‘свадебный дар’, оно считается сокращением от имен *Кремена*, *Стамена* и др. [Займов 1994: 149].

Трансонимизация

Еще одним способом пополнения именованослова является трансонимизация. Нередко в подобных случаях антропоним связан с личной историей, служит знаком какой-либо ситуации или маркирует релевантные для семьи обстоятельства. Например, девочку 2021 г. р. назвали именем *Вая*, которое в словарях антропонимов толкуется как «Верба» (< греч. βάλια), тогда как мать выбрала это имя в память об одноименной речке на юге Болгарии, где прошло ее детство [Седакова 2022: 94–96]. Именования гор (*Рила*, *Урал*), рек (*Марица*, *Бистрица*), городов (*Доростела* — по старинному именованию Силистры [Иванова, Радева 2005: 94]) также ложатся в основу антропонимов. Показательным случаем является распространенное в Болгарии имя *Йордан*, образованное от названия священной реки, где, согласно Евангелию, крестился Иисус Христос⁹. В то же время оно считается заимствованием из греческого, ср. *Йорданис* [Вайганд 1926: 36]. *Йордан* подвергается многочисленным трансформациям, которые, в свою очередь, служат основой для создания значительного количества кратких антропонимов: *Данчо*, *Данча* [Илчев 1969: 156], *Йордо*, *Йорда* [Радева 2019: 222]. В восточно-болгарских диалектах это имя

⁸В этом «пожелательном» имени сохранилось архаичное значение ‘быстрая’ [Илчев 1969: 76], подобно другому имени *Бързъо* [Ковачев 1987: 21], однако в последние годы оно переосмысливается и воспринимается в современном значении соответствующего апеллатива — ‘чистый, прозрачный, светлый’ [Иванова, Радева 2005: 73].

⁹Носители этого имени празднуют именины в Крещение (ср. русский диалектный хроним *Йордань*).

имеет огласовку *Юрдан* (по причине редукции *о* в *у*). Иногда формы *Йордан* и *Юрдан* встречаются параллельно, отчасти в силу миграций на территории Болгарии и как свидетельство популярности этого имени. Так, в с. Трыстеник (Плевенская обл.) в списке мужских имен оно занимает второе место после *Ивана* (204 фиксации): *Йордан* (63 фиксации) и *Юрдан* (88 фиксаций) [Цанев, Цанева 1999: 110–114].

Еще один вид трансонимизации — переход хрононимов в личные имена, что также связано с номинативными практиками болгар. Если ребенок рождается в церковный праздник, считается, что он «пришел в мир с именем». Если это день почитания святого, новорожденный получает его имя (или вариант его имени) и потом празднует этот день как именины; если же это двенадесятый праздник, то имя должно быть связано с хрононимом, каноническим, церковным или народным (диалектным) вариантом. Зафиксированы имена *Блавест(а)*, *Възкресен(а)*, *Преображка*, *Спас* и *Спаска* (по народному хронониму для Вознесения — *Спасовден* [Радева 2019: 92, 131, 328]), которые при родовом именовании могут трансформироваться до неузнаваемости и пополнять именослов (ср. *Велко* от *Великден* — народный хрононим для Пасхи).

Мужское ↔ женское

В болгарском именослове всем мужским именам соответствуют женские. Полную симметрию имен по роду Л. Каравелов связывает с традиционными принципами имянаречения. В случае, если родственник или крестный, в честь которого предстоит именовать ребенка, умер или для последующих детей нет носителя имени соответствующего пола (например, у отца нет брата, а только сестра — при требовании именовать в честь дяди), имя «приспосабливают» грамматически: «Неделя дает *Недельо*, *Петкана* — *Петка*, *Петко*, и наоборот» [Каравелов 1861: 286].

Образование антропонимов — независимо от их происхождения — идет в двух направлениях, с использованием различных морфологических средств. Мужское имя дает женское путем добавления аффиксов *-а*, *-ена*, *-ина*, *-ета*, *-ина* и мн. др.: *Иван* — *Ивана*, *Йордан* — *Йордана*, *Игнат* — *Игната*, *Павел* — *Павлена*, *Павлета*, *Тодор* — *Тодорина*, *Явор* — *Яворина* и др. Интересная тенденция наблюдается в наши дни, когда модными и престижными становятся имена болгарских исторических деятелей и появляются женские антропонимы, восходящие к мужским: *Велизара*, *Пресияна*, *Бориса*, *Ивайла*, *Самуила*.

Соответственно, при образовании мужских имен от женских конечный гласный отпадает, остается нулевое окончание или к нему добавляются аффиксы *-о*, *-ьо*, *-ко*, *-чо*, *-ан*, *-ин* и др.: *Елисавета* — *Елисавет*, *Десислава* — *Десислав*,

*Детелина — Детелин, Светлана — Светлан, Наташа — Наташ, Албена*¹⁰ — *Албен, Ирина — Ирин, Малина — Малин, Коприна — Копринко, Звезда — Звездо, Гюл — Гюльо, Роза — Розан, Ягода — Ягодин* и др.

Стремление «подновить» родовое имя для младенца противоположного пола нередко становится причиной возникновения неoантропонима или использования необычного форманта в имени собственном. Образование мужского имени от женского, к примеру, дает такое имя, как *Елин*. Согласно рассказу его носителя, он, как первый внук, должен был быть назван в честь деда по отцовской линии, но тот умер, а в честь ушедших в некоторых регионах Болгарии новорожденных не называют. Имя бабушки по отцовской линии — *Елена*, мужская форма *Еленко* родителям не нравилась, поэтому его назвали *Елин* [ЛА]. В словарях имен собственных это имя считается «испорченной» формой имени *Илин* от *Илия* [Илчев 1969: 196; Ковачев 1987: 90], «пожелательным» именем от *ела* ‘ель’ [Иванова, Радева 2005: 96] или соответствием греч. ‘эллин’ [Радева 2019: 187]. Однако семейный нарратив соотносит мужское имя *Елин* с *Еленой*, его носитель отмечает именины в день св. Константина и Елены.

Аффиксация

Как отмечалось, имена меняются до неузнаваемости — отпадают буквы, слоги и части: *Стефан* дает такие имена, как *Теньо, Течо; Невена — Вена; Прокоти — Коти* и др. Получается, что одно сокращенное имя может считаться гипокористикой от целого ряда полных имен: *Гана — от Драгана, Гергана, Дена — от Младена, Магдена, Радена, Севдена* [Илчев 1969: 160].

Элизия сопровождается добавлением суффикса: *Дечка*, по свидетельству носительницы этого имени, образовано от *Неделя*, хотя ономасты связывают имя *Дечка* с диалектной формой слова *дечко* ‘дитя’ [Балкански 2016: 603–604]. Утрачиваются также конечные слоги (апокопа): *Лазар — Лазо*; срединные (синкопа): *Петкана, Петранка — Пена, Пенка*. Нам известны исследования способов сокращения, принятых в одном населенном пункте [Арнаудов 1994], однако подробное описание процессов фонетического и морфологического изменения болгарских антропонимов с учетом региональных вариантов требует отдельного изучения.

Обзор исследований аффиксальной деривации антропонимов дает весьма пеструю картину. Ст. Илчев [1969: 25–26] приводит список морфем и обратный индекс имен, что позволяет говорить о частотности той или иной формы

¹⁰Имя героини рассказа болгарского писателя-классика Йордана Йовкова, ему и приписывается авторство этого антропонима.

образования. В списке аффиксов Ст. Илчева мы указываем цифры для менее распространенных формантов (с количеством имен до 50), свыше этого количества аффиксы чрезвычайно продуктивны:

-ай (16): Драгай	-ии (48): Станиии
-ая (8): Драгая	-йя: Ангелия, Благия
-аки: Ангелаки	-ован: Радован
-ал (28): Бойнал	-ой, -оя: Благой, Благоя
-ан, -ана: Герган, Гергана	-ол: Драгол
-аш (27): Белааш	-он, -онка: Милон, Милонка
-ей: Геней	-ота: Славота
-ел, -ела: Иванел, Перунела	-ош: Тодорош
-ен, -ена: Върбен, Милена	-ул, -ула: Драгул, Драгула
-еш (13), -еша (3): Радеш, Пареша	-ун, -уна: Спасун, Спасуна
-ик (30), -ика: Божик, Ангелика	-ур: Ванчур, Вачур
-ил, -ила: Божил, Радила	-уц (13), -уца (7): Радуц, Маруца
-ин, -ина: Вълчин, Добрина	-уш, -уша: Стануш, Маруша
-ица: Георгица, Димитрица	-ян, -яна: Троян, Добряна
-ич (29): Цветич	

П. Радева также публикует список болгарских суффиксов и окончаний, отдельно для мужских (34 единицы) и для женских (27 единиц) имен [Радева 2019: 33–35]. Н. Ковачев выделяет продуктивные и непродуктивные суффиксы, а по значению — нейтральные (38 единиц)¹¹ и уменьшительно-ласкательные (13 единиц) [Ковачев 1987: 23–26]. В академической «Грамматике современного болгарского языка» приводится восемь суффиксов для образования мужских имен (-ан/-ян, -дин, -ен, -ил, -ин, -ко, -ой -ош/-уш), а для женских — два: -а и -ица. Отдельно перечисляются уменьшительно-ласкательные суффиксы (-чо, -ко, -ка, -ачка) и наиболее частотные уменьшительно-ласкательные суффиксы для образования сокращенных имен (для мужских -е/-ье/-йо, -е, -до, -ко, -ло, -но, -тол/-тьо, -цол/-це, -чо, -шо, а для женских -а/-я, -ка, -ла, -та, -ца) [ГСБКЕ: 70–73].

Даже беглый взгляд на эти классификации и списки показывает их неполноту и противоречивость. Еще больше вопросов возникает при вычленении форманта: так, например, Н. Ковачев в имени *Николен* выделяет суффикс *-лен* [Ковачев 1987: 24], тогда как *-л-* входит в основу. Колебания в интерпретации морфологического состава имени (и его образования) в словарях частотны: к примеру, имя *Марина* считается производным от *Мара* с добавлением *-ина* или заимствованием из греческого от лат. *marina* ‘морская’ [Займов 1994: 148].

¹¹ Многие из них имеют мужскую и женскую формы (различающиеся окончанием), соответственно, количество удваивается.

Многие суффиксы маркируют имя как «старое» или «новое», «сельское» или «городское», «свое» или «чужое» и др. Так, по правилам болгарской орфографии сдвоенные согласные возможны лишь на стыке морфем, однако в некоторых именах собственных они появляются, что служит знаком русского (советского) или западного влияния: в наших анкетах отмечаются *Анны* — в честь Анны Карениной [ЛА]. М. Парзулова указывает также на тенденцию удвоения согласных в традиционных болгарских именах без апелляции к русскому влиянию, «для красоты»: *Денна, Ценна, Янна* [Парзулова 2022: 95], а Б. Крыстев приводит в качестве неболгарских имена *Галинна, Илианна, Инна* [Кръстев 1994: 145]. Сдвоенное *nn* в *Анне*¹² также воспринимается как протест против «болгарского» в процессе переименования турок в 1980-е гг. в Болгарии (так называемый возрожденческий процесс). Такое имя взяла себе *Атче* в с. Сеслав Разградской области — именно в знак несогласия с болгарской кампанией по смене турецких имен [ЛА].

Аффиксы меняют свой семиотический статус с течением времени. Например, это происходит с суффиксом *-к*. В середине XX в. при именовании ребенка в честь родных или крестных родителей имя трансформировали, добавляя суффикс *-к*; считалось, что без него имя «грубое» (*Цветка, Свободка, Марудка* и др.), находились и другие причины (в частности, нежелание повторять в точности имя нелюбимой свекрови). Таким образом шло заметное пополнение болгарского именователя. Согласно нашим анкетам, носители имени при получении паспорта самостоятельно меняли изначальный антропоним, данный им «в честь бабушки», добавляя *-к*. Так, имя *Бисера* для ее носительницы (1955 г. р.) звучало «устаревшим», поэтому в паспорте его носительница изменила его на *Бисерка* [ЛА]. М. Младенов отмечает частотность *-к* в именованном им с. Спасово и пишет, что «инъекция» в виде суффикса носила общеполитический характер [Младенов 2008: 472]. Действительно, по нашим материалам, имена с *-к* преимущественно носят люди, рожденные до 1970-х гг. В наши дни этот суффикс перестал быть продуктивным и считается устаревшим, подходящим лишь для домашней коммуникации [Радева 2006: 68], а люди, носящие имена с *-к* (*Стоянка, Сашка, Стефка, Рачко* и др.), в официальном общении представляются именами без суффикса (*Стояна, Саша, Стефа, Рачо*).

М. Парзулова, анализируя именованное новорожденных в г. Бургас, отмечает временный всплеск женских имен с аффиксом *-ина* от традиционных болгарских имен, обозначая их как неантропонимы: *Валина* от *Валя, Надина* от *Нада* и др. [Парзулова 2022: 95], ср. также *Неделина, Петина* [Панайотова 1977].

¹²Здесь также возможна ассоциация с тур. *anne* ‘мать’.

Наши материалы подтверждают, что мода на форманты характерна и для мужских имен. Так, *Ивелин* (1965 г. р.) указал, что его назвали в честь деда *Ивана* и что аффиксы *-ин*, *-ан* для имен людей его поколения были особенно частотными (*Веселин*, *Цветелин*, *Добрин*) [ЛА].

Суффиксальное образование имен нередко обусловлено желанием сохранить родовое имя, но сделать его более современным, модным, а также — в связи с глобализацией и с возросшей эмиграцией болгар — более «западным», интернациональным, узнаваемым¹³. Примеров этому множество, ср. пары имен старших родственников и внуков: *Павла* — *Паола*, *Саика* — *Александра*, *Александър*, *Желязко* — *Жоржета*, *Кольо* — *Кристин*, *Георги* — *Джордже*, *Тончо* — *Антонио*, *Стоян* — *Силвио* и мн. др. Часть неболгарских имен связана с традицией лишь одной (обычно начальной) буквой: *Глория* (в честь *Генчо*), *Илонка* (*Илия*), *Корнелия* (*Кънчо*) и др. [Радева 2001: 241; подробнее см.: Седакова 2007: 122–128]. При этом связь новых антропонимов с родовым исходным именем сохраняется, именины обычно традиционно празднуются в тот день, когда праздновали старшие родственники [подробнее см.: Седакова 2022; 2024: 81].

Отдельная большая тема, связанная с расширением болгарского именослова, — имена «гибридные», «скрещенные» (болг. *кръстоски*), в которых соединяются буквы и слоги имен старших родных¹⁴. Н. Ковачев считает подобные имена курьезными и не включает их в свои словари¹⁵ [Ковачев 1987: 30], а Т. Балкански называет их «лошадиными», сравнивает принципы образования таких имен с подбором кличек для животных [Балкански 2006]. Ж. Бояджиев пишет, что «они представляют собой в структурном отношении механическое сочетание случайных составных частей, отличаются неблагозвучием» [Бояджиев 1975: 146]. Ср.: *Илион*, *Ириан* [Димитрова 1977], *Дойдинка* (*Дойка* и *Динка*), *Ваклилия* (*Вакрилка* и *Лилия*), *Глизара* (*Гликерия* и *Зара*) [Георгиев 1981] и др.

Однако не все подобные неоантропонимы распадаются на случайные части. Немало случаев, когда соединяются узнаваемые имена бабушек: *Маридона* (*Мари* и *Дона*), *Верожанка* (*Вера* и *Жанка*) [Кръстев 1994: 146]. Не всегда они являются и неблагозвучными. Так, среди созданных имен немало

¹³Здесь мы не анализируем новую волну заимствований западных имен, в том числе морфологически гендерно-нейтральных: *Алекс*, *Дениз* [ср. подробно: Чолева-Димитрова и др. 2021].

¹⁴Типологически такую стратегию создания имен можно увидеть в идеологических антропонимах времен СССР: *Виулен* (< *Владимир Ильич Ульянов-Ленин*), *Марксэна* (< *Маркс* + *Энгельс*) и др.

¹⁵Критерием для включения имени в словарь служит частотность, а эти имена обычно уникальны.

типичных для болгар (и шире) сложных имен, которые избирают одну традиционную основу (-слав, -мир, -дар и др.) и присоединяют к ней другие имена (целые или их части): *Петрослав, Цветомил* [Александрова 1985], *Данислав, Златослав, Златомир, Красислав, Кръстослав, Любодар, Русислав, Танислав, Ценомир, Юлислав, Юрислав, Янислав* [Димитрова 1977].

Недавнее небольшое анкетирование (октябрь 2023 г.) показало, что именование в честь старших родственников сохраняет свою актуальность в Болгарии. Из 23 полученных анкет (студенты Софийского университета 2002–2004 г. р.) 19 человек указали, что названы в честь деда или бабушки, при этом лишь в трех случаях имя полностью редуцировалось (две *Герганы* и один *Георги*), в других именах совпадает или буква, или слог. Выявились два гибридных имени, сочетающих буквы и слоги из имен родных: *Люан* (в честь деда *Любо* и бабушки *Аны*), *Пресияна*¹⁶ — в честь двух бабушек (*Пена* и *Роса*) и деда *Яни* (с комментарием: «чтобы никого не обидеть») [ЛА]. Для сравнения приведем данные из анкеты, которую заполняли родители детей в Пловдиве в 1979–1980 гг. Из 70 анкет целиком редуцировались 18 мужских имен и 22 женских, подбирались имена по первой букве у 7 мальчиков и 14 девочек [Шумадова 1981]. Тенденция более свободного отношения к имени старших родственников и стремление к созданию неоантропонимов очевидны, однако аллюзии к семейным именам остаются неизменными.

Заключение

Исследование показало, что почти каждое болгарское имя содержит загадку генезиса, семантики и морфологического состава, что проявляется в расхождениях в интерпретации одного антропонима как его носителями, так и ономастами. Отчасти это обусловлено спецификой болгарского именослова, где отношения «производящее — производное» чрезвычайно запутанны и в каждом конкретном случае могут объясняться региональными различиями, историей семейных номинаций, народной этимологией, обрядовым контекстом и др.

Как кажется, в этом сложном по составу именованном находит отражение балканский характер языка и культуры Болгарии. Равноправие разнородных элементов, заимствованных и освоенных разными путями в разные периоды, создает именно такой антропонимический сплав, в котором результаты архаических традиций в передаче имен в семье закономерно сосуществуют с последними

¹⁶Это женское имя образовано от мужского *Пресиян* (историческое лицо времен Первой болгарской державы [Радева 2019: 328]), но в данном случае распадается на части имен родных.

инновациями. Упомянув инновации, отметим, что, к примеру, наблюдающийся бум употребления гендерно-нейтральных гипокористик на *-и* (*Цвети, Плами, Еми, Криси, Иви* и др.), которые, как считают исследователи, появились под влиянием европейских имен, поддерживается старинными и традиционными именами с формантом *-и* разного происхождения и с неодинаковой семантикой (*Добри, Георги, Яни, Ради*). То же самое можно сказать и о многих других формантах, на которые опираются новые заимствованные или сочиненные имена (*Мариела, Юриета* и др.).

В связи с разрастанием именовслова и появлением неоантропонимов возникают новые ассоциации, которых не было ранее и которые будут влиять на именование новорожденных в будущем. И хотя болгарские ученые фиксируют все более сильную глобализацию болгарской антропонимической системы [Влахова-Ангелова, Петкова 2023: 74], процессы, которые описывал Л. Каравелов полтора века назад, сохраняются, останутся они и в будущем.

Источники

- Александрова В.* Личните имена на родените през периода 1901–1970 в гр. Пелово и с. Староселци, окръг Плевенски : дипл. работа / Великотърновский ун-т им. св. Кирилла и Мефодия. Центр болгарской ономастики. Велико Търново, 1985.
- Вайганд Г.* Българските собствени имена. Произход и значение. София : Т. Ф. Чипев, 1926.
- Георгиев Г.* Личните имена на родените деца в град Първомай за периода от 1901 до 1970 г. : дипл. работа / Великотърновский ун-т им. св. Кирилла и Мефодия. Центр болгарской ономастики. Велико Търново, 1981.
- Гечев М.* Статистически данни за личните имена на учениците от нашето училище : расширенный вариант докл., прочитанного на II школьной конф. по статистике (Троян, 7 июня 2023 г.). *Рукопись*.
- ГСБКЕ — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2 : Морфология / гл. ред. Ст. Стоянов. София : Изд-во на БАН, 1983.
- Димитрова К.* Статистически наблюдения върху личните имена на родените момчета-българи в Плевен за периода 1901–1970 : дипл. работа / Великотърновский ун-т им. св. Кирилла и Мефодия. Центр болгарской ономастики. Велико Търново, 1977.
- Заимов Й.* Български именник. София : Изд-во на БАН, 1994.
- Иванова Н., Радева П.* Имената на българите. Велико Търново : Абагар, 2005.
- Илчев Ст.* За хубави български имена на децата ни. София : Отечествен фронт, 1963.
- Илчев Ст.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София : Изд-во на БАН, 1969.
- Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. М. : Тип. Ф. Андерса, 1861.
- Ковачев Н.* Честотно-гълковен речник на личните имена у българите. София : Д-р Петър Берон, 1987.
- ЛА — личный архив автора.
- Панайотова Г.* Личните имена на родените в Несебър през периода 1900–1970. Антропонимично изследване : дипл. работа / Великотърновский университет им. св. Кирилла и Мефодия. Центр болгарской ономастики. Велико Търново, 1977.

- Радева П. Нов речник на личните имена у българите. София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2019.
- Умленски И. За най-хубаво име. Кюстендил : Изд-во ГНС, 1971.
- Шумадова Е. Лични имена на родените в Пловдив 1971–1980. Антропонимично изследване : дипл. работа / Великотърновски ун-т им. св. Кирилла и Мефодия. Центр болгарской ономастики. Велико Търново, 1981.
- Garantiran-smyah — Гарантиран смях: Вижте близо 300 от най-странните имена в България // Novinite.bg. 12.12.2023. URL: <https://www.novinite.bg/articles/245299/Garantiran-smyah-Vijte-blizo-300-ot-naj-strannite-imena-v-Balgariya> (дата обращения: 12.08.2024).
- Stratsimir — Страцимир. Самый полный список болгарских мужских и женских имен. URL: <http://stratsimir.exsisto.com/> (дата обращения: 12.08.2024).

Исследования

- Ангелова-Атанасова М. Посоки на развой в именуването на българите в началото на XX век // Състояние и проблеми на българската ономастика. 2005. Т. 7, № 1. С. 34–45.
- Арnaudов А. Съкратени лични имена от Пазарджик // Състояние и проблеми на българската ономастика. 1994. № 2. С. 102–112.
- Балкански Т. Българи кръщават децата си като коне. 2006. URL: budnaera.com/2006-01/2006-08-09_02.htm (дата обращения: 25.10.2023).
- Балкански Т. Професор Дечка Чавдарова в пространството между литературознанието и езикознанието // Ракла с културни кодове = Короб культурных кодов. Сборник в чест 65-годишнината на проф. д. ф. н. Дечка Чавдарова / ред. Д. Кръстева. Велико Търново : Фабер, 2016. С. 595–606.
- БЕР — Български етимологичен речник / съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 1971–. Т. 1–.
- Бояджиев Ж. Към въпроса за хибридни лични имена // Български език. 1975. № 3. С. 146–148.
- Влахова-Ангелова М., Петкова Г. Гранични явления в съвременната българска антропонимия // Onomastica. 2023. Т. 67. С. 73–90. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.67.5>
- Калоянов 1995 — Тетово. Теренни материали и проучвания / ред. А. Калоянов. Русе : Св. Димитър Басарбовски, 1995.
- Кръстев Б. Езиковият усет и изборът на личното име // Състояние и проблеми на българската ономастика. 1994. Т. 2, № 1. С. 137–146.
- Кръстев Б. Личноименният фонд на с. Драгоево (Шуменско) // Състояние и проблеми на българската ономастика. 2001. Т. 6, № 1. С. 221–227.
- Кръстева-Благоева Е. Личното име в българската традиция. София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 1999.
- Младенов М. Съвременна лично-именна система в с. Спасово, Чирпанско // Младенов М. Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. Лингвистично наследство. София : Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. С. 466–483.
- Николаева Т. М. Предисловие // Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т. М. Николаева. М. : ЯСК, 2007. С. 7–12.
- Парзулова М. Наблюдения върху личните имена на децата, родени в Бургас в периода 2013–2018 г. // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 2021) / съст. С. Коева, М. Стаменов. София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2021. Т. 1. С. 58–66.

- Парзулова М. Езиковата мода в Бургаския антропонимикон // Годишник на Шуменския университет «Епископ Константин Преславски». Факултет по хуманитарни науки. 2022. Т. 33, № 1. С. 92–102.
- Петрова А. За някои основни тенденции при избора на лично име // Състояние и проблеми на българската ономастика. 1990. Т. 1, № 1. С. 112–115.
- Радева П. Интелектуалният елит и алтернативите пред съвременната българска антропонимия // Състояние и проблеми на българската ономастика. 2001. Т. 6, № 1. С. 236–256.
- Радева П. Имената на българчетата, родени в гр. Попово в периода 2000–2003 г. // Състояние и проблеми на българската ономастика. 2006. Т. 8, № 1. С. 60–69.
- Русинов Р. Български антропонимичен атлас // Състояние и проблеми на българската ономастика. 1990. Т. 1, № 1. С. 111.
- Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М. : Индрик, 2007.
- Седакова И. А. Болгарский антропоним как (балканский) текст // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 83–101. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.030
- Седакова И. А. Болгарский антропоним во времени и в пространстве // Живая старина. 2023. № 2. С. 19–23.
- Седакова И. А. Именины в Болгарии в свете церковной и секулярной практики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 3. С. 71–86. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.3.042>
- Симеонидис Х. П. Гръцкото влияние върху системата на българските собствени имена. София : Ах-Ба-Ка, 2006.
- Топоров В. Н. Из теоретической ономотологии // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. М. : ЯСК, 2005. С. 372–379.
- Филипова-Байрова М. Гръцки заемки в съвременния български език. София : Изд-во на БАН, 1969.
- Цанев Г., Цанева С. Тръстеник. Етнографско изследване. Русе : Денница, 1999.
- Цанков К. Нашествието на имената Пламен и Камен в съвременната българска антропонимия // Състояние и проблеми на българската ономастика. 2001. Т. 6, № 1. С. 217–221.
- Чолева-Димитрова А., Влахова-Ангелова М., Данчева Н. Мода на личните имена в българските градове. София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2021.
- Petkova G., Ivanova V. Bulgarian personal names that refer to precious stones, metals, and jewelry // NAME AND NAMING. Proceedings of the 4th International Conference on Onomastics *Name and Naming*. Sacred and Profane in Onomastics / ed. by O. Felican. Cluj-Napoca : De Gruyter, 2017. P. 317–325.

References

- Angelova-Atanasova, M. (2005). Posoki na razvoi v imenuvaneto na bŭlgarite v nachaloto na XX vek [Directions in the Development of the Nomination of Bulgarians at the Beginning of 20th century]. *Sŭstoianie i problemi na bŭlgarskata onomastika*, 7(1), 34–45.
- Arnaudov, A. (1994). Sŭkratani lichni imena ot Pazardzhik [Shortened Personal Names in Pazardzhik]. *Sŭstoianie i problemi na bŭlgarskata onomastika*, 2, 102–112.
- Balkanski, T. (2006). *Bŭlgari krŭshchavat detsata si kato kone* [Bulgarians Name Their Children as Horses]. Retrieved from budnaera.com/2006-01/2006-08-09_02.htm
- Balkanski, T. (2016). Profesor Dechka Chavdarova v prostranstvoto mezhdu literaturoznaniето i ezikoznaniето [Professor Dechka Chavdarova: Between Literary Studies and Linguistics].

- In D. Krüsteva (Ed.), *Rakla s kulturni kodove = Korob kul'turnykh kodov. Sbornik v chest 65-godishnina na prof. d. f. n. Dechka Chavdarova* [A Chest with Cultural Codes. A Festschrift to the 65th Anniversary Professor Dechka Chavdarova] (pp. 595–606). Veliko Tarnovo: Faber.
- Boiadzhiev, Zh. (1975). Küm vüprosa za khibridnite lichni imena [On Hybrid Personal Names]. *Bülgarski ezik*, 3, 146–148.
- Choleva-Dimitrova, A., Vlahova-Angelova, M., & Dancheva, N. (2021). *Moda na lichnite imena v bülgarskite gradove* [Fashion and the Personal Names in Bulgarian Cities]. Sofia: Izd-vo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Filipova-Bairova, M. (1969). *Grütski zaemki v süvremenniia bülgarski ezik* [Borrowings from Greek in the Modern Bulgarian Language]. Sofia: Izd-vo na BAN.
- Georgiev, Vl., Gülübov, Iv., Zaimov, I., & Ilchev, St. (Eds.). (1971–). *Bülgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. (Vols. 1–). Sofia: Izd-vo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Kaloyanov, A. (Ed.). (1995). *Tetovo. Terenni materiali i prouchvaniia* [Field Materials and Studies]. Ruse: Sv. Dimitür Basarbovski.
- Krüstev, B. (1994). Ezikoviiat uset i izborüt na lichnoto ime [Language Intuition and the Choice of Personal Names]. *Süstoianie i problemi na bülgarskata onomastika*, 2(1), 137–146.
- Krüstev, B. (2001). Lichnoimenniiat fond na s. Dragoevo (Shumensko) [The System of Personal Names of the Village Dragoevo (Shumen Region)]. *Süstoianie i problemi na bülgarskata onomastika*, 6(1), 221–227.
- Krüsteva-Blagoeva, E. (1999). *Lichnoto ime v bülgarskata traditsiia* [Personal Names in the Bulgarian Tradition]. Sofia: Izd-vo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Mladenov, M. (2008). *Dialektologiia. Balkanistika. Etnolingvistika. Lingvistichno nasledstvo* [Dialectology. Balkan Studies. Ethnolinguistics. Linguistic Heritage]. Sofia: Univ. izd-vo “Sv. Kliment Okhridski”.
- Nikolaeva, T. M. (2007). Predislovie [Foreword]. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Imia: Semanticheskaia aura* [Personal Name: Semantic Aura] (pp. 7–12). Moscow: IaSK.
- Parzulova, M. (2021). Nablüdeniia vürkhu lichnite imena na detsata, rodeni v Burgas v perioda 2013–2018 g. [Observations on the Personal Names of Children Born in Burgas in 2013–2018]. In S. Koeva, & M. Stamenov (Eds.), *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiia na Institutata za bülgarski ezik “Prof. Liubomir Andreichin” (Sofia, 2021)* [Proceedings of the International Conference of the Institute of Bulgarian Language (Sofia, 2021)] (Vol. 1, pp. 58–66). Sofia: Izd-vo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Parzulova, M. (2022). Ezikovata moda v Burgaskiia antroponimikon [Language Fashion in the Anthroponymicon of Burgas]. *Godishnik na Shumenskiia universitet “Episkop Konstantin Preslavski”*. *Fakultet po khumanitarni nauki*, 33(1), 92–102.
- Petkova, G., & Ivanova, V. (2017). Bulgarian Personal Names that Refer to Precious Stones, Metals, and Jewelry. In O. Felican (Ed.), *Name and Naming. Proceedings of the 4th International Conference on Onomastics Name and Naming. Sacred and Profane in Onomastics* (pp. 317–325). Cluj-Napoca: De Gruyter.
- Petrova, A. (1990). Za niakoi osnovni tendentsii pri izbora na lichno ime [On Some of the Main Tendencies in Choosing of a Personal Name]. *Süstoianie i problemi na bülgarskata onomastika*, 1(1), 112–115.
- Radeva, P. (2001). Intelektualniiat elit i alternativite pred süvremennata bülgarska antroponimiia [The Intellectual Elite and the Alternatives in the Bulgarian Modern Anthroponymy]. *Süstoianie i problemi na bülgarskata onomastika*, 6(1), 236–256.

- Radeva, P. (2006). Imenata na bŭlgarchetata, rodeni v gr. Popovo v perioda 2000–2003 g. [The Names of Young Bulgarians Born in the City of Popovo in the Period of 2000–2003]. *Sŭstoianie i problemi na bŭlgarskata onomastika*, 8(1), 60–69.
- Rusinov, R. (1990). Bŭlgarski antroponimichen atlas [Bulgarian Anthroponymic Atlas]. *Sŭstoianie i problemi na bŭlgarskata onomastika*, 1(1), 111.
- Sedakova, I. A. (2007). *Balkanskite motivy v iazyke i kul'ture bolgar: Rodinnyi tekst* [Balkan Motifs in the Language and Culture of the Bulgarians. Childbirth Text]. Moscow: Indrik.
- Sedakova, I. A. (2022). Bolgarskii antroponim kak (balkanskii) tekst [Bulgarian Anthroponym as a (Balkan) Text]. *Voprosy onomastiki*, 19(3), 83–101. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.030
- Sedakova, I. A. (2023). Bolgarskii antroponim vo vremeni i v prostranstve [Bulgarian Anthroponyms in Time and Space]. *Zhivaia starina*, 2, 19–23.
- Sedakova, I. A. (2024). Imeniny v Bolgarii v svete tserkovnoi i sekularnoi praktiki [Name Day in Bulgaria in the Light of Ecclesiastical and Secular Practice]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(3), 71–86. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.3.042>
- Simeonidis, Kh. P. (2006). *Grŭtskoto vliianie vŭrkhu sistemata na bŭlgarskite sobstveni imena* [Greek Influence on the System of Bulgarian Personal Names]. Sofia: Akh-Ba-Ka.
- Toporov, V. N. (2005). *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Studies on Eymology and Semantics] (Vol. 1). Moscow: IaSK.
- Tsanev, G., & Tsaneva, S. (1999). *Trŭstenik. Etnografsko izsledvane* [Trŭstenik. Ethnographic Study]. Ruse: Dennitsa.
- Tsankov, K. (2001). Nashestviето na imenata Plamen i Kamen v sŭvremennata bŭlgarska antroponimiia [The Origin of the Names Plamen and Kamen in Modern Bulgarian Anthroponymy]. *Sŭstoianie i problemi na bŭlgarskata onomastika*, 6(1), 217–221.
- Vlakhova-Angelova, M., & Petkova, G. (2023). Granichni iavleniia v sŭvremennata bŭlgarska antroponimiia [Boundary Phenomena in the Contemporary Bulgarian Anthroponymy]. *Onomastica*, 67, 73–90. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.67.5>